

То, что автор оставил заглавие книги «Байкальское Переделкино» (издатели советовали другое), если вдуматься, хороший знак. Рассказ — о маленьком уголке на берегу Байкала, уникальной концентрации домов, дач, жизней многих талантливых писателей, художников, издателей, реставраторов. И что первый его летописец, поэт Владимир Скиф оставил «Переделкино» — свидетельство: в провинции, в России сей бренд еще ассоциируется с собранием талантов, гениев — а не со спорами собственников, «хозяйствующих субъектов», деливших переделкинские дачи, словно алюминиевые комбинаты, ликеро-водочные заводы в «лихие 90-е»...

Это место, где «от отца-Байкала единственная дочь-Ангара убегает к Енисею», первым из русских писателей отметил еще Чехов: «Прогулка по Байкалу вышла чудная, во веки веков не забуду». Кстати, в знаменитое путешествие, завершившееся книгой «Остров Сахалин», Чехов почти уговорил поехать и друга Левитана, предчувствуя красоты, которые мог запечатлеть великий художник. В самый последний день Левитан отказался, сославшись на нездоровье... Да что мне-то пересказывать! Сам Чехов в письме скажет куда изящнее: *«Байкал удивителен, даром сибиряки величают его не озером, а морем... Вообще говоря, от Байкала начинается сибирская поэзия, до Байкала была проза... Скотина Левитан, что не поехал со мной».*

Через 7-8 лет именно здесь оказался центр и самое сложное место великого Транссиба. Бросив Петербург, на здешние станции от Листвянки до Байкала на несколько лет переехал министр путей сообщения империи князь Хилков. Невероятный труд, порой гениальные экспромты... пока Кругобайкалка, одна из сложнейших на Земле трасс, пробиваясь туннелями, обходила Байкал с юга, а Русско-японская война уже грянула, — придумали положить рельсы прямо на байкальский лёд. Владимир Набоков в «Других берегах» вспоминал, как фотооткрытки с поездами, идущими по льду, воспринимались в Европе, — просто как рисунки-«фэнтэзи». О той войне сказано много горького, но ни железнодорожники, ни байкальский лёд не подвели.

От истока Ангары на юг, где горные цепи одна за одной подбегают вплотную, прямо ныряют в Байкал, здесь Антон Павлович Чехов, подобно царю Петру, ука-

зал «отсель поэзия Сибири...», без какого-либо «Постановления» стихийно собрались дома, дачи, судьбы. Вампилов, Распутин, Бородин, Глеб Пакулов... еще немало славных имен и поэт-летописец Владимир Скиф.

Валентин Распутин в 1970-х купил на станции «Байкал» бревенчатый дом. Через много лет он приобрёл на Ангаре другой, байкальский подарил родственнику Володе Скифу. Их жены Светлана и Евгения — дочери известного сибирского общественного деятеля и поэта Ивана Молчанова.

На противоположном от порта Байкал берегу — белый знак-obelisk. Точное место, где погиб «советский Чехов», Александр Вампилов. Кроме всего в книге и точная реконструкция этой трагедии: прекрасный спортсмен, футболист Вампилов не утонул, дотянул, коснулся берега, но долгого шока ледяной воды не выдержало сердце. А на юг по Кругобайкалке (старая железная дорога вдоль самого среза озера, порой и над ним) — посёлок Маритуй, где в семье учителей рос Леонид Бородин.

Но рассказы Скифа о старожилах и гостях «Байкальского Переделкина» никак не вмещаются в популярный жанр «байки из ЦДЛ», слишком много поэзии, природы, *настоящего*...

— Как-то в середине сентября мы с Валею (*Распутиным* — *И.Ш.*) копали картошку, а Носырев (*лесник*) с женой Натальей причалили у самого нашего дома и позвали нас за брусничкой. Мы собрались, взяли горбовики, сели в лодку, и Носырев, что есть духу, рванул в открытое море. Через полчаса пути поднялся страшный ветер, начался шторм. Байкал опасен своей непредсказуемостью, неожиданностью. Вокруг нас заходили громадные, величиной с двухэтажный дом волны. Лодка ухнула в бездну, взлетела на гребень, на лице у Носырева не дрогнул ни один мускул. Мы взлетали наверх, с обмирающим сердцем катились вниз, казалось — на дно Байкала. Я потерял дар речи и молча вцепился в борт лодки, Валя тоже молчал, а Наташа закричала:

— Виктор! Что делаешь? Думаешь, кого везёшь! Ну-ка, прижимайся к берегу!

Носырев будто не слышал, продолжая разрезать гребни волн. Тут уж и Валя не выдержал:

— Витя, давай к берегу! Там, если перевернёмся, может, выплывем.

Носырев выбрал пологое место, лихо причалил среди шумного прибоя. Мы выбрались из лодки бледные, с дрожащими от напряжения ногами, и молча сели на крупные прибрежные булыги. Носырев бодро возвестил:

— Извините, ребята! Я штурман опытный, не надо было волноваться. А теперь за брусничкой.

Байкал бушевал часов пять. За это время мы набрали отборной спелой, чёрно-красной ягоды и без новых приключений вернулись в родную гавань. Теперь ни в чью лодку не сажусь. А Виктор Носырев ведь так и погиб в Байкале. В девятых годах его затёрло вместе с лодкой весенним, взбесившимся байкальским льдом(...)

Всерьез — мгновенный шторм и, далее — рысь, не «красивая киска» из фэйсбука на 800 лайков, а реальная смертельная опасность. Занятная двойная смена стихий¹. Сухопутное приключение В. Скиф отражает... надеюсь и вы удивитесь:

¹Как добросовестный рецензент, должен предупредить читателя: почти половина страниц книги — «столбцы» (так Заболоцкий стихи называл).

Лесник

Леснику сказал я: — Виктор!
Вот опять ты глушишь спирт.
А в кордоне, у развилки,
Странно дерево скрипит.

Не прошло и получаса,
Как явился мой лесник...
Кобелишко зачесался,
Взлаял, хрипнул и поник...

Дело, кажется, не в ветре.
Ветра нет. Природа спит.
А на пятом километре
Страшно дерево скрипит.

Поводя недобрым оком,
Осадил соловый рысь.
Притороченная сбоку,
У седла болталась рысь.

Мне лесник ответил: — Ладно.
Взял солового коня,
Карабин шестизарядный
И умчался от меня.

Мне лесник сказал: — Над кручей
Рысь гнездо себе свила
И на дереве скрипучем
Зазевавшихся ждала.

Осень длинная висела
На берёзах, листвяках.
Отчим домом пахло сено,
Кобелишко спал в ногах.

И за вами тоже кралась,
Чтоб кого-нибудь схватить.
Ну, а дерево старалось
Глупых вас — предупредить(...)

Это мог написать Дерсу Узала, если б подучился у Арсеньева в походе грамоте маленько.

Это мог написать Эдагар По, если б бросил пить и приехал на Байкал в гости к Распутину.

Владимиру Скифу надо побыстрее объяснить, нам — узнать: в чем там дело? Отчего страшный скрип? А что рассказ вдруг оказался ритмичный, рифмованный, да еще как! — неожиданность. Равно и Эдгару важно было рассказать о той Аннабель Ли, он может и не заметил, продолжает ли свои новеллы — или уже... самое звучное в мировой поэзии стихотворение.

Ведь и так было б интересно? — Да. Так зачем еще рифма, ритм?

Эта полнейшая беспричинность, абсолютная бесполезность и есть — *пена морская*, из которой рождается и далее... (*см. древ. греч. мифолог.*). Красота, поэзия книги Скифа своей избыточностью поверх и без того занятных рассказов напоминают тот же Байкал. Четверть мировой питьевой воды, объективно говоря: ресурс, из числа важнейших в XXI веке. Но еще и красота!

Но «Переделкины», дабы утвердиться в истории литературы, должны славиться не только счастливыми «резидентами», но и гостями, встречами их. Процессом. Гости, славное собрание имен: Евгений Носов, Виктор Астафьев, Юрий Нагибин, Мария Аввакумова, Татьяна Бек... Случаи с ними, разговоры, «дней минувших анекдоты».

— Весной, приезжая на Байкал, мы копаемся в огороде, доме, стараясь поскорее придать жилой вид нашему байкальскому пристанищу. Как-то в середине девяностых в начале мая я, как всегда, переехал на пароме в порт Байкал и направился к дому. Идти от причала менее километра. Подхожу, вижу группу ликующих

людей, разливающих по бокалам шампанское, кричащих «ура!». Иду мимо них, чтобы открыть калитку, и вдруг меня кто-то из них спрашивает:

— Вы Распутин?

— Нет, не Распутин.

— Жалко. Нам деревенские сказали, что это его дом.

— Да, это был его дом, а теперь мой.

— А это правда, что он здесь жил и писал свои книги?

— Правда.

Они снова закричали «ура!»

— А мы из Питера. Выпейте с нами шампанского и давайте сфотографируемся.

— Но я же не Распутин.

— А кто вы?

— Родственник.

— Родственник...

И снова туристы грохнули «ура!».

Сию простую, правдивую историю Скиф рассказывал не раз, в том числе и автору этих строк. Про себя я тогда отметил интересную деталь: читатели не знали Распутина в лицо. Валентин Григорьевич мимоходом словно доказал некую теорему: можно «царить» в сознании поколения и не мелькая на ТВ!

Некоторые слушатели спешили украсить этой историей и свои мемуары, так что Владимиру, впервые добравшемуся до собственного рассказа, пришлось восстанавливать «исходник»:

— *Сергей Есин в книге «На рубеже веков. Дневник ректора», описывая это, сбивается:*

Прозаики отыгрывались байками. Самые занятные о Распутине. Вокруг него уже создаётся прижизненный миф. Есть изба на Байкале, где он написал «Живи и помни». Потом эту избу вроде бы перекупил иркутский же поэт Владимир Петрович Скиф. Так вот, подходит раз В.П. к избе, а возле неё стоят туристы и пьют из бутылки шампанское...

Так вот, Сергей Николаевич, уточню: дом был не куплен у Распутина, а подарен им нашей семье. Остальное — правда.

Кто-то печатно сожалел, что Скиф «перестроил тот флигель, где создавалась повесть "Прощание с Матёрой"». Владимир возражает доброжелательно. Что ж, «ревность о Памяти» можно понять, лишь бы это не оставалось на «внешнем круге внимания», а... как у тех «ходовиков у Распутина», кстати, ленинградских учителей, что жили с его книгами, не видев автора.

Летописец Скиф дотошен, воспроизводя реплики, подписи на книгах. Иркутянин Скиф старается как можно подробнее рассказать о духовной жизни края: на страницах не только земляки писатель Валерий Хайрюзов, поэт Василий Забелло, но и художники, артисты, издатели. Скиф-поэт щедро делится своими страницами, приводя вереницу стихов героев своих воспоминаний, начиная с Марии Аввакумовой. Скиф-супруг сдержанно-душевно рассказывает о своей Евгении Молчановой. Скиф — «новый Пришвин» — не устает любоваться сам и поражать читателя:

«В дни перестройки на Байкале, на острове Ольхон появились дикие кони. В тяжелый час от бескормицы, не востребованности их просто выгнали, или сами

они ушли в дикое ольхонское пространство. Паслись летом, зимой, благо на Ольхоне снег небольшой. Копытили его, добывая траву. У одной кобылицы родился ярко-гнедой жеребенок. Рос, превратился в великолепного коня. Рос и табун, Гнедой стал вожаком. Лет через десять табун стали отстреливать охотники. Конину в Сибири любят. Но необыкновенное чутье Гнедого часто спасает табун, ставший героем рассказов, стихотворений».

О, Байкал, еще и мустанги на твоих берегах!